

**Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Институт славяноведения РАН
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского**

**ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ X–XXI вв.**

**XXXVI СЕССИЯ
СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Брянск, 24–28 сентября 2018 г.

**Москва
2018**

ББК 63.3(2)
И 93

**XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы
проводится при финансовой поддержке РФФИ
Проект № 18-09-20036**

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (отв. ред.), В.А. Ильиных, А.И. Комиссаренко,
М.Д. Карпачев, В.Д. Назаров, В.Н. Никулин, Н.В. Соколова

И 93 **Итоги и перспективы исследования аграрной истории
России X–XXI вв. : XXXVI сессия Симпозиума по аграрной
истории Восточной Европы : Тезисы докладов и сообщений :**
Брянск, 24–28 сентября 2018 г. – М.: ИСл РАН, 2018. – 236 с.

ISBN 978-5-7576-0416-9

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7576-0416-9

© Коллектив авторов, 2018
© Программный комитет Симпозиума по
аграрной истории Восточной Европы, 2018

но и вооруженные силы (см. Тархова Н. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933. М., 2010).

Процесс раскрестьянивания в России приобрел свою специфику и прошел несколько этапов, начавшись в конце XIX в. естественным образом, с сокращения численности крестьянства в результате развития процессов урбанизации и индустриализации. Следующий этап был непосредственно связан с коллективизацией и ее последствиями – раскулачиванием, голодом и репрессиями. Завершение раскрестьянивания относится к 1980-м гг. и характеризуется ментальными сдвигами в сознании и образе жизни крестьян, связанными с утратой чувства хозяина, изменением отношения к земле и своему хозяйству. В социальном плане советский вариант раскрестьянивания представлял собой последовательную трансформацию крестьян в колхозников и далее – в сельскохозяйственных рабочих.

О.В. Горбачев¹

Сельские советы в контексте раннесоветского проектирования²

Понимание роли сельсоветов как органов местного управления и закономерностей их эволюции в раннесоветский период может быть расширено с учетом проектного подхода к изучению советской истории. Важно увидеть, как изначальные цели большевиков трансформировались под влиянием среды и логики изменений в системе советской власти.

Местное самоуправление в условиях диктатуры пролетариата воспринималось В.И. Лениным в контексте «демократического централизма». Будущее государство должно было опираться не столько на административное управление, утрачивающее полити-

¹ *Горбачев Олег Витальевич*, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, og_06@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

ческий характер, сколько на инициативу победивших угнетенных классов. Ключевая роль в реализации этой инициативы отводилась советам всех уровней.

Если в первые послеоктябрьские дни создаваемые большевиками структуры еще выступали придатками существующих в деревне органов управления (земельные комитеты организовывались при волостных земствах (Постановление НКЗ от 4.12.1917 г.), то после издания декрета СНК о советах (24.12.1917 г.) единственным органом власти в деревне должны были стать советы.

Примерно до середины 1920-х гг. имела место конкуренция между экономическим и административным принципами организации территории. Она вытекала не только из целей большевистского реформирования, но и была выражением подходов к районированию, сложившихся еще в досоветский период. Доминирование экономического принципа при недооценке административного привело к тому, что к 1919 г. территория страны была хаотически поделена между совнархозами. Усиление администрирования в этой ситуации диктовалось и принципами «военного коммунизма», и стремлением к формированию понятной управленческой вертикали. По той же причине в 1920 г. В.И. Ленин выступает за ограничение коллегальности, что выглядело безусловным отступлением от первоначальной интерпретации советов как коллективной формы власти. Тенденции прямого администрирования не могли миновать местные советы.

Система местных советов была предназначена заменить собой прежнее административное деление, которое, как отмечалось в середине 1920-х гг., применялось «в полицейских и фискальных целях» (К.Д. Егоров), а потому четырехзвенная структура губерния – уезд – волость – сельское общество подлежала реформированию. В реальности осуществить это оказалось чрезвычайно трудно, в том числе из-за устойчивости низового звена – сельской общины. Поэтому фактически до начала коллективизации сельские советы опирались на действующие общинные институты. Взаимодействию способствовало и то, что сельсоветы были единственной

структурой, где существовала прямая выборность. Примечательно, что вновь издаваемые декреты в сфере советского строительства в первой половине 1920-х гг. в наибольшей степени затрагивали губернско-уездно-волостной уровни, редко опускаясь до сельсоветов.

Поскольку община воспринималась как естественная форма низовой демократии, идеологический запрос на освобождение сельсоветов от общинного влияния долгое время отсутствовал. Более того, в условиях нэпа община оказывалась удобной формой для реализации первичных форм кооперации. В конечном счете общинные сходы как «собрания граждан» были признаны структурным элементом сельсоветов с постепенным занятием общинных должностей сельсоветскими работниками.

Дальнейшая логика советского строительства, связанная с ликвидацией прежнего административного деления, парадоксально отдаляла рядовых граждан от процесса принятия решений. Административно-территориальная реформа 1924 г. среди прочего имела следствием укрупнение сельсоветов, что для крестьян – членов сельсовета оборачивалось необходимостью отрыва от повседневной хозяйственной деятельности. Последовавшая кампания «оживления» советов имела целью активизацию низовой активности, в том числе через вовлечение в сельсоветскую деятельность молодежи и женщин. Этот курс объективно способствовал разрушению связи между сельсоветом и общиной, традиционно опиравшейся на домохозяев, и усилению административного давления на местные советы.

Курс на «профессионализацию» советов (1925 г.), начатый по причине недостаточной эффективности кампании «оживления» имел следствием дальнейшее игнорирование низовой демократии. Одновременно устанавливалось правило согласования кандидатуры председателя сельсовета с райисполкомом и райкомом. В течение всего десятилетия 1920-х гг. в деятельности сельсоветов последовательно реализовывалась политика административного оттеснения «классово чуждых элементов» от принятия решений на общинных сходах. Кроме того, в условиях свертывания нэпа

оказалось возможным волевыми решениями формировать бюджеты сельсоветов за счет бюджетов общины.

Таким образом, в советском строительстве раннесоветского периода имели место две тенденции: 1) в борьбе с прежними организационными структурами советы утверждались как оптимальная для большевиков форма организации власти на местах; 2) по мере встраивания местных советов в управленческую вертикаль в них имело место неизбежное свертывание начал самоуправления. В конечном счете вторая тенденция привела к институциональному сужению сферы компетенции советов. Попытка реализовать идеальную модель народного самоуправления не удалась. В 1930-е гг. сельские советы отчасти выполняли управленческие функции (по преимуществу фискальные и регистрационные), но были лишены властных полномочий по управлению территорией, которые, как и финансовые ресурсы, концентрировались в руках вышестоящих органов. Кроме того, советы играли роль идеологического прикрытия диктатуры правящей партии.

А.В. Берлов¹

**Частная собственность на средства производства
в сельском хозяйстве Советской России
в оценках ученых-экономистов русской эмиграции
1920–1930-х гг.**

Политическая победа большевиков и укрепление их власти после окончания Гражданской войны привели к вытеснению не-марксистских парадигм научного знания, в том числе либеральной и неонароднической теорий аграрного производства. В вынужденной эмиграции оказались выдающиеся экономисты, теоретики и практики аграрного производства С.Н. Прокопович, Б.Д. Бруцкус, А.Н. Анцыферов, С.С. Маслов, Н.Н. Зворыкин, С.О. Загорский и другие. В числе насильственно высланных из страны летом и осенью 1922 г. 225 ученых более 30 человек составляли экономис-

¹ *Берлов Артур Валерьевич*, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@mail.ru, Россия, г. Москва.